

ОСОБЕННОСТИ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.6

EDN: YPEACQ

Национальный культурный код: морально-нравственный аспект¹

Ссылка для цитирования: Тихонова Н. Е., Каравай А. В. Национальный культурный код: морально-нравственный аспект // Вестник Института социологии. 2025. Том 16. № 3. С. 87–119. DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.6; EDN: YPEACQ.

For citation: Tikhonova N. E., Karavay A. V. National Cultural Code: Moral and Ethical Aspects. *Vestnik instituta sociologii*. 2025. Vol. 16. No. 3. P. 87–119. DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.6; EDN: YPEACQ.

SPIN-код: 1448-9948

Тихонова Наталья Евгеньевна^{1,2}

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия;

²НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия

netichon@rambler.ru

SPIN-код: 9242-9957

Каравай Анастасия Вадимовна¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

karavayav@yandex.ru

Аннотация. В данной статье представлена попытка определить, входят ли какие-то моральные нормы в состав культурного кода россиян, а также в чем именно заключается специфика этих норм и насколько россияне единодушны в их восприятии. Для получения ответов на поставленные исследовательские вопросы с использованием больших языковых моделей AI (ChatGPT, Gemini и др.) была сформирована картина разнообразия подходов к изучению культурного кода наций в мировой науке и проведен глобальный библиометрический анализ, результаты которых также представлены в статье. На основе полученных результатов, был осуществлен эмпирический анализ данных исследований 2000, 2015 и 2024 гг. из базы Института социологии ФНИСЦ РАН, а также данных 7 волны World Values Survey (WVS). Он показал, что

¹ Статья подготовлена в рамках работ по гранту РНФ № 25-18-01067 «Ценностно-мировоззренческая мобилизация российского общества в условиях возросших угроз и вызовов суверенитету страны».

для россиян характерна специфическая система моральных норм, отличия которой и от норм, типичных для стран условного Запада, и от характерных для стран «мирового большинства», позволяют утверждать, что ряд этих норм может рассматриваться как отдельный элемент национального культурного кода. В их числе, согласно проведенному исследованию, находятся: устойчиво отрицательное отношение к гомосексуальным связям и связанным с этим аспектам образа жизни (однополые браки и т. д.) на фоне допущения достаточно большой свободы гетеросексуальных отношений; категорическое неприятие измены Родине, которое дополняется распространенностью норм, обеспечивающих мир в многонациональной и многоконфессиональной стране; отрицание допустимости обогащения за счет других. Также выявлено широкое по сравнению с другими странами распространение морального релятивизма в отношении выполнения своих обязанностей перед государством (уплата налогов и т. д.), хотя на нормативном уровне большинство россиян все же признает недопустимость уклонения от этих обязанностей. Динамический анализ показал устойчивость широкой распространенности перечисленных норм, а использование кластерного анализа продемонстрировало неоднородность россиян с точки зрения восприятия ими моральных норм и подтвердило, что некоторые из них достаточно устойчивы, чтобы быть включенными в состав культурного кода нации. Также можно считать доказанным, что сама категория культурного кода может быть применима в социологических исследованиях.

Ключевые слова: культурный код, культурная идентичность, ментальность, нормативно-ценностные системы, кросс-культурные сравнения, моральные нормы, моральный релятивизм, традиционные ценности, русская цивилизация, социальные нормы

В последние годы российские специалисты в области социальных наук все активнее начинают употреблять понятие «национальный культурный код». Это не удивительно – в условиях резкого усиления противостояния с Западом и активизации поиска национальной идентичности в условиях борьбы за новый мировой порядок понимание специфики особенностей культуры, характерной для «Русского мира», действительно является насущной необходимостью. Однако рост интереса к данной проблематике характерен не только для российских ученых. На фоне глобального столкновения цивилизаций и выхода на авансцену мировой истории стран, ранее относившихся к периферии мир-системы, растет интерес к ней и ученых других стран. Первый вопрос, который встает в этой связи, это вопрос о том, что вообще включает в себя национальный культурный код, из каких элементов он состоит? Второй – в чем специфика этих элементов и, главное, их сочетания, в разных культурных ареалах мира? Применительно к нашей стране эти вопросы дополняются еще одним вопросом – а есть ли у России та специфика ее национального культурного кода, который отличает ее не только от стран коллективного Запада, но и от стран «мирового большинства»? И есть ли страны, которые примыкают к ней по этому коду, составляя тот самый «Русский мир», судьба которого решается сейчас не только в научных дискуссиях, но и на полях сражений?

Разумеется, мы не ставим перед собой задачи ответить на все эти вопросы в рамках одной статьи, да это и невозможно. Предмет нашего исследования гораздо скромнее – это отношение россиян к определенным моральным нормам. При анализе этого отношения мы стремились не только описать его, но и дать ответ на следующие вопросы: в чем именно

заключается специфика моральных норм россиян? Насколько они едины душины в этом отношении? Входят ли какие-то моральные нормы в состав культурного кода нации в целом?

Проблематика культурного кода в литературе: основной вектор исследований и разработанность темы

Проблематика культурного кода становится в последние годы все более популярной не только в общественном дискурсе, но и в научной литературе. Так, только за период с 2014 г., когда проблема национальной идентичности резко актуализировалась в результате усиления конфронтации с коллективным Западом и поиска соответствующего базовым принципам российской цивилизации пути развития, отечественными специалистами в области социальных наук опубликовано по связанным с данной проблематикой темам, согласно данным научной электронной библиотеки Elibrary, более двух тысяч статей и книг. Спектр тематики этих публикаций очень широк. В их числе и попытки разобраться в сущности самого понятия «культурный код» [1; 9; 14; 17], и связь его с особенностями российской истории [20; 29], и его особенности в разных регионах России, у отдельных этносов или в отдельных социальных группах [6; 24; 31], и способы использования этого кода в практических целях, например в рекламе [7], и роль для него отдельных понятий (например, слова «авось [19]) и т. д. Однако комплексно особенности культурного кода русского народа в целом рассматриваются буквально в считанных публикациях [20; 11]¹, при этом сам культурный код чаще всего ассоциируется авторами с понятиями «архетип» или «менталитет».

В целом в каждой науке под культурным кодом обычно понимается что-то свое. Однако есть в его трактовках и общее: культурный код есть набор неких элементов культуры, которые наделены значимыми смыслами, отличают одну культуру от другой и обеспечивают более эффективное взаимодействие для представителей соответствующей культуры. Таким образом, культурный код в любом случае должен включать в себя элементы культуры, которые типичны для нации в целом (т. е. разделяются большинством представителей данной культуры), имеют устойчивый во времени характер, тесно связаны между собой в рамках единой системы смыслов и имеют определенную специфику на фоне культур других стран [34; 36; 37; 38; 41; 42; 43; 44 и др.]. При этом для представителей семиотики элементами культурного кода выступают знаки и символы, для культурологов и социологов – нормы и ценности, для психологов – подсознательные образы и т. д. Более того, даже среди социологов и культурологов культурный код трактуется по-разному. Так, структуралисты и постструктуралисты (К. Леви-Стросс, Р. Барт, М. Фуко, К. Леви-Стросс, Р. Барт, М. Фуко) определяют его как систему знаков, структурирующих восприятие и поведение; представители культурсоциологии (или культуральной социологии – cultural sociology) (Д. Александер и др.) – как коллективные смысловые рамки, структурирующие публичную жизнь; специалисты, фокусирую-

¹ Нельзя не упомянуть в этом контексте и такие вышедшие ранее работы как [10; 32].

щиеся на проблематике идентичностей (Э. Гоффман и др.) – как элемент механизмов маркировки «своих» и «чужих»; символические интеракционисты (Г. Блумер и др.) – как интерпретативные структуры в процессе взаимодействия; занимающиеся проблематикой ценностей и социокультурных измерений (Г. Хофстеде, Ш. Шварц, Р. Инглхарт) – как агрегированные устойчивые паттерны мышления и поведения в культурах и т. д.

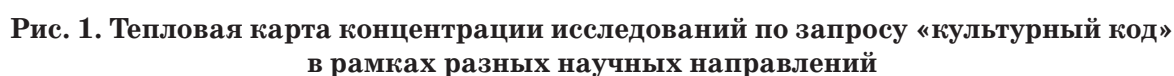
Далее мы будем ориентироваться прежде всего на трактовку культурного кода в работах Дж. Александера [34], для которого культурный код представлял собой совокупность символических, поведенческих, ценностных и коммуникативных норм, характерных для определенной социальной группы и детерминирующих восприятие, интерпретацию и практики ее членов. Соответственно, структура культурного кода при таком подходе включает различные типы норм, обусловленных особенностями характерных для конкретной культуры смыслов, в том числе – и норм морали¹. Элементы культурного кода при такой его трактовке могут изменяться во времени, хотя изменения эти происходят сравнительно медленно, поскольку устойчивость – одна из сущностных характеристик культурного кода. В то же время при некоторой изменчивости норм, входящих в состав отдельных элементов культурного кода, сама структура кода (то есть наборы символических, поведенческих, ценностных и коммуникативных норм) остается неизменным. Моральные нормы входят в этой структуре в систему норм, регулирующих поведение индивидов.

Стоит подчеркнуть также, что основная масса публикаций, связанных с культурным кодом, относится в отечественных науках к культурологии, философии, лингвокультурологии, семиотике и т. д. В этом отношении они продолжают традицию, сформировавшуюся еще в XX в. – уже тогда основной вклад в работу над этой проблематикой вносили специалисты по теории культуры и лингвисты. Так, например, можно вспомнить в этой связи работы Ю. М. Лотмана – одного из первых разработчиков структурно-семиотического метода изучения культуры в советской науке [15], Б. С. Ерасова – одного из крупнейших специалистов в сфере отличия культур незападного типа от западной цивилизации [4], автора концепции маятниковых циклов и роли раскола в истории России А. С. Ахиезера [2] и многих других². Современная ситуация в данной области представлена на рисунке 1, составленном на основе обращения к большим языковым моделям, а также результатов традиционных методов поиска научной информации. Он отражает частоту обращения к концепции культурного кода в академических источниках³ и демонстрирует, что это понятие активно используется буквально во всех социальных и гуманитарных науках.

¹ «За рамками» рассмотрения остаются при таком подходе знаковые системы и символы, особенности коммуникации (в том числе невербальной), также входящие в состав культурного кода.

² Эти работы – лишь отдельные примеры публикаций, относящихся к различным направлениям научных исследований.

³ Этот анализ проводился в несколько этапов. На первом из них с помощью запросов к нескольким большим языковым моделям (LLM) искусственного интеллекта (ChatGPT, Gemini, PerplexityAI, Claude, YandexGPT) были получены списки наиболее цитируемых работ и наиболее известных в данной области ученых, а также наиболее часто встречающихся терминов. Использование нескольких LLM позволило полнее оценить разнообразие изучения культурного кода в мировой

Источник: OpenAlex¹ (май 2025 г.)

науке, а также минимизировать вероятность получения недостоверных данных. На втором этапе с помощью полученных данных проводился библиометрический анализ источников в глобальных массивах научной информации ([Dimensions.ai](#), [Lens.org](#), OpenAlex и Google Scholar).

¹ Тепловая карта построена с помощью ПО VOSviewer. На рисунке показаны результаты анализа частоты встречаемости термина «культурный код» в разных областях знания – чем ярче и теплее цвет, тем чаще в соответствующей области встречается рассматриваемый термин.

При этом, несмотря на подчеркивание многими учеными роли нравственных ценностей для российской культуры и даже противопоставление ее именно по этому критерию материалистически ориентированной западной культуре, анализ морально-этического аспекта национального культурного кода на данных социологических исследований в литературе представлен более чем скромно. К числу немногих исключений относятся буквально считанные работы [18; 22; 23], хотя сами особенности взглядов россиян на мораль и их отношения к различным моральным нормам постоянно находятся в поле зрения российских социологов. Можно сказать, что в этом отношении российские социологи следуют в фарватере западной науки (а вслед за ней и науки стран «мирового большинства»), в которой данный аспект проблематики культурного кода, несмотря на значительное смещение акцентов в его изучении на протяжении последних 35 лет (рис. 2), находится на периферии внимания исследователей.

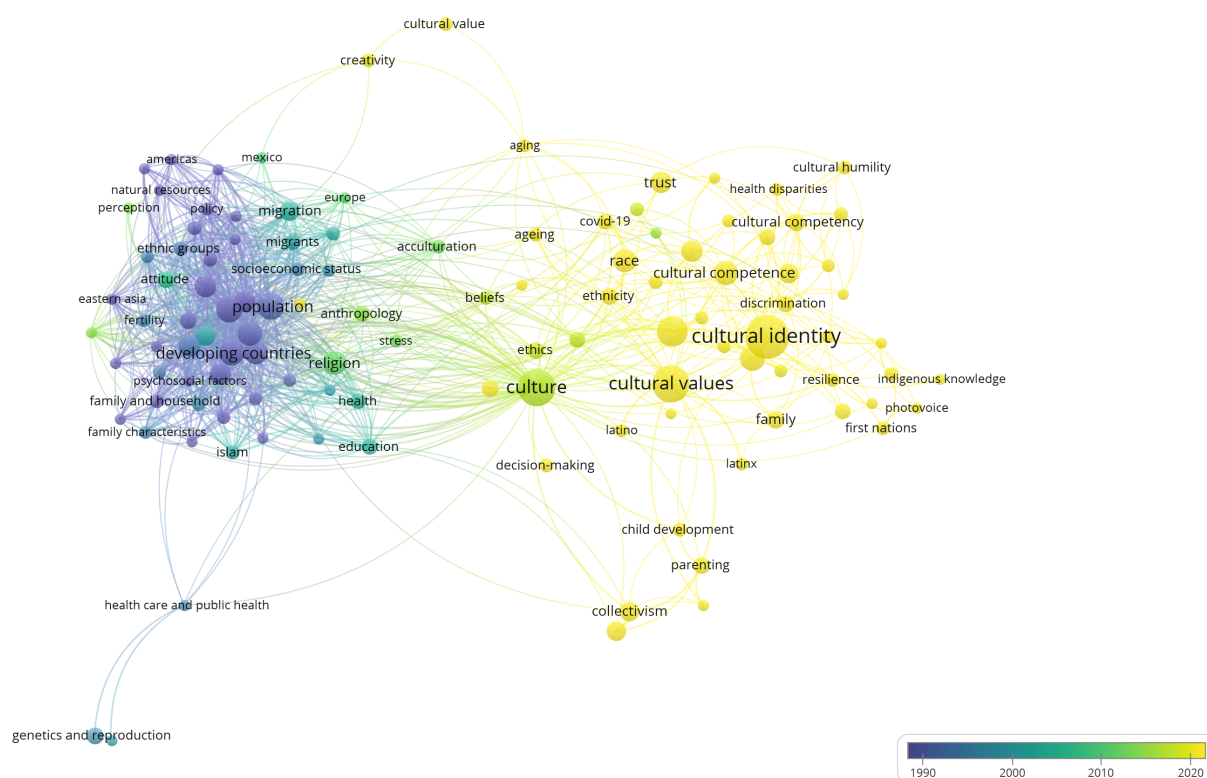

Figure 2. Shift in the focus of social research on the cultural code from 1990 to 2025 (May 2025)

Источник: Dimensions.ai¹

¹ Рисунок построен с помощью ПО VOSviewer. На рисунке представлена динамика контекста, в который встраивалось рассматриваемое понятие на протяжении всего периода публикации доступных в соответствующей базе статей.

В то же время нельзя сказать, что в остальном российские ученые следовали по характерному для мира в целом вектору изучения культурных кодов. Как видно на рисунке 2, этот вектор существенно видоизменялся и прошел в ходе своей трансформации несколько этапов, отражая все более глубокое понимание исследователями внутренней структуры культурного кода представителей различных сообществ (наций, локальных сообществ, представителей субкультур и т. д.). Для первого из них (1990-е гг.) характерна была концентрация на проблематике факторов успешности развития как отдельных стран, так и целых регионов мира (в т.ч. роль природных ресурсов, этнического состава населения, его здоровья и т. п.), т. е. культурный код интересовал исследователей прежде всего как фактор развития. Этот его аспект всегда интересовал отечественных исследователей мало, и сейчас находится на периферии их интересов.

Второй этап анализа проблематики культурного кода (2000-е гг.) ознаменовался продолжением и развитием этих линий анализа. Однако при этом произошло смещение фокуса внимания исследователей от американского континента к Европе, повысился их интерес к проблематике миграции и мигрантов. Гораздо большее внимание стали привлекать проблемы образования и воспитания как факторов его освоения т. д.

Третий этап изучения культурного кода (2010-е гг.) продемонстрировал сдвиг фокуса внимания исследователей к проблемам культуры в широком смысле этого слова. Этот сдвиг отразился и на отдельных сюжетах. Так, от проблематики мигрантов внимание переключилось на проблему взаимовлияния культур и интеграции в другую культуру с освоением ее норм, ценностей и традиций. Тогда же впервые в числе основных направлений научных исследований, связанных с изучением культурного кода социологами, появляется и проблематика этических норм.

Наконец, четвертый этап (2020-е гг.) продемонстрировал еще большую выраженность этого тренда. При всем многообразии сюжетов, которые связываются сейчас авторами с проблематикой культурного кода, однозначно доминируют над всем остальным проблемы идентичностей и ценностей как ядра любой культуры. Учитывая это не удивительно, что ключевое место среди работ социологов, связанных с данной проблематикой, занимают труды Р. Инглхарта и Ш. Шварца [43; 48] (рис. 3). Отметим, однако, что, хотя в целом рисунок 3 позволяет представить себе «расстановку сил» на поле исследований культурного кода, однако он далеко не полон. Так, например, на нем отсутствует Г. Хофстеде, внесший своей типологией культурных измерений огромный вклад в анализ ментальных основ различных культур [42].

Не представлены на рисунке 3 и российские социологи. Отчасти это связано с тем, что понятие культурных кодов начало использоваться ими сравнительно недавно, а до этого проблемы ключевых характеристик нормативно-ценностных систем россиян и стоящих за ними смыслов не связывались ими с проблематикой культурного кода. Отчасти же такая ситуация обусловлена внешними ограничениями, прежде всего – изолированностью русскоязычной литературы в преимущественно англоязычном

научном пространстве. Тем не менее, российскими социологами и социальными психологами (А. В. Андреевской, Е. Н. Даниловой, Н. И. Лапиным, Н. В. Латовой, Н. М. Лебедевой, В. С. Магуном, М. Г. Рудневым, А. Н. Татарко и др.) была проделана в данном направлении большая работа, хотя моральная составляющая этого кода и сейчас продолжает оставаться для отечественных ученых во многом «terra incognita».

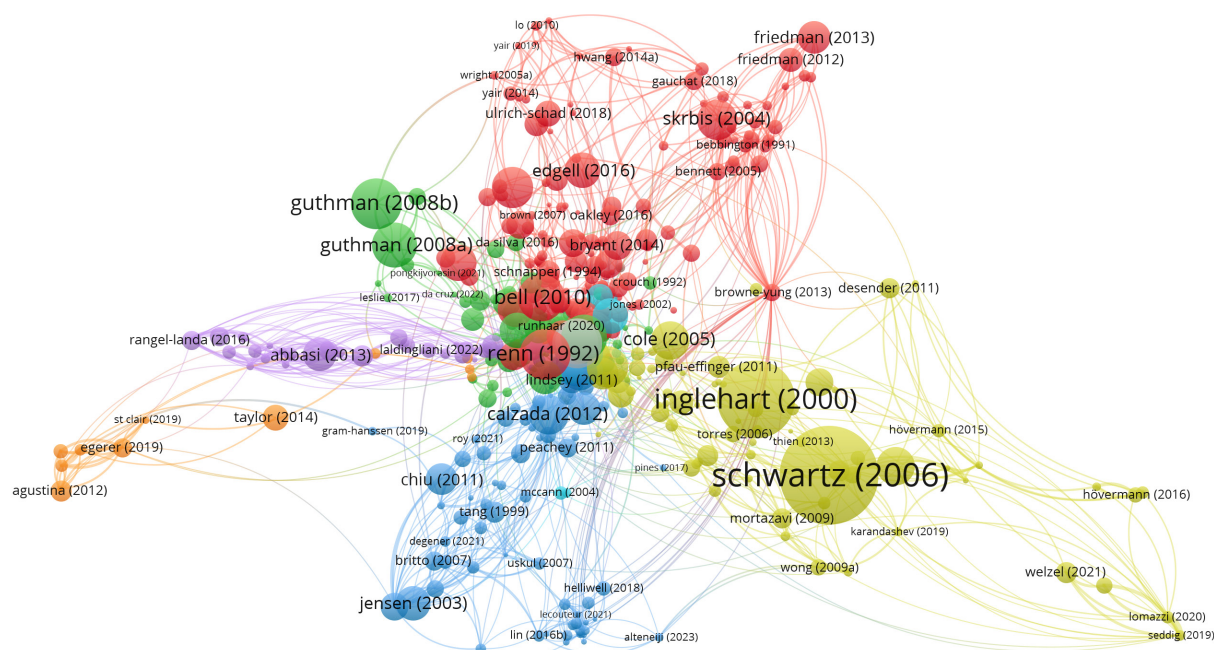

Рис. 3. Представители социальных наук, внесшие в последние десятилетия основной вклад в изучение культурных кодов (май 2025 г.)

Figure 3. Social scientists who have made major contributions to the study of cultural codes in recent decades (May 2025)

Источник: Dimensions.ai¹

Что же касается зарубежных исследований данной проблематики, то библиометрический анализ открытых научных данных² выявил четыре основных тематических кластера в исследованиях взаимосвязи культур-

¹ Кластеризация работ проводилась с помощью ПО VOSviewer на основе выгрузки библиометрических данных с портала Dimensions.ai по запросу «культурный код». На рисунке показаны представители разных тематических полей. Размер «узла» говорит о том, насколько авторитетна работа для представителей соответствующего кластера. Следует отметить, что само предметное поле, связанное с понятием «культурный код», оказалось в высокой степени фрагментированным – алгоритмы программы выделили свыше 200 тематических кластеров. На рисунке представлены 7 самых крупных из них. Красный кластер включает работы, относящиеся к культурным особенностям поведения [38; 46 и др.]; желтый – анализ кросс-культурных различий [36; 43; 48 и др.]; синий – проблемы миграции и адаптации мигрантов в новой культурной среде в условиях глобализации [34 и др.]; зеленый – специфику продуктов разных культур и национальной кухни [39 и т. д.]; фиолетовый – ценности для здоровья продуктов из разных культур [33 и др.]; голубой – различия в восприятии медицины и болезней в разных культурах [47 и др.]; оранжевый – сохранение мигрантами своей культурной самобытности [49 и др.].

² Библиометрический анализ проводился на выгрузке данных (15011 источников) с платформы Lens.org по ключевым словам в статьях из раздела «Социология». При анализе использовались понятия: “Moral Foundations Theory”, “Moral Norms”, “Value Systems”, “Moral Relativism”, “Ethical Imperatives”.

ного кода и морально-этических норм: институциональный (связанный с законами, институтами и формированием моральных норм «сверху»), социокультурный (охватывающий роль специфики ценностных систем, идентичностей, социальных ролей и т. д. для моральных норм), образовательно-воспитательный (фокусирующийся на роли особенностей социализации в условиях разных культур для морального облика личности) и практический (отражающий особенности повседневной этики в определенных условиях, например в период ковид-пандемии).

В нашей статье мы хотели бы ответить на встающие на фоне актуализации в современных условиях проблематики культурного кода населения нашей страны вопросы о том, как относятся ее граждане к различным моральным нормам? Что является для них «моральными максимумами» и насколько они в этом единодушны? Отличаются ли они в этом отношении от жителей других стран и регионов мира? Главным же исследовательским вопросом выступит вопрос о том, является ли отношение россиян к регулирующим поведение человека моральным нормам составляющей их национального культурного кода.

Для ответа на этот вопрос нами использовались две базы данных. Одна из них представляла собой базу данных Института социологии ФНИСЦ РАН, и прежде всего массив данных 15 волны Мониторинга ИС ФНИСЦ РАН, проведенной в апреле 2024 г. ($n = 2000$). Этот Мониторинг проводится уже более 10 лет по общероссийской выборке, репрезентирующей население страны по Федеральным округам, а внутри них – по типам поселений, возрасту и полу. В анкете опроса присутствовал вопрос «Какие из следующих поступков, на Ваш взгляд, никогда не могут быть оправданы, какие допустимы иногда, а к чему надо относиться снисходительно?». Для оценки динамики морально-нравственных установок россиян использовались также данные 2 волны этого Мониторинга, проходившей в марте 2015 г. ($n = 4000$) с построенной по тем же принципам выборкой¹ и исследования «Россияне о судьбах России в XX в. и своих надеждах на новое столетие»² ($n = 1776$), проведенного в марте 2000 г. с той же моделью выборки, что и в Мониторинге ИС ФНИСЦ РАН, только вместо отсутствовавших тогда Федеральных округов на первом этапе построения выборки использовались данные по 13 территориально-экономическим районам согласно районированию Росстата. Упомянутый выше вопрос анкеты во всех этих исследованиях задавался в одной и той же формулировке, хотя набор действий, отношение к которым надо было определить, совпадал не полностью: 7 из 19 действий, отношение к которым замерялось в 2024 г., присутствовали во всех трех опросах; еще 3 вида действий – в опросах 2000 и 2024 гг.; 6 – в опросах 2015 и 2024 гг.; 1 – в опросах 2000 и 2015 гг. Новыми в опросе 2024 г. стали 2 вида действий: воспитание детей однополыми парами и эвтаназия.

¹ Подробнее см. об этом исследовании [21].

² Подробнее см. об этом исследовании [8].

Второй базой данных, использованной в исследовании, была база World Values Survey (WVS) – международного исследовательского проекта, в котором участвуют десятки стран¹. Для анализа специфики отношения россиян к ряду моральных норм были использованы данные 7-й волны этого исследования, проходившей в России в 2017 г. (для России $n = 1810$).

Конечно, четверть века для анализа динамики моральных норм как составной части культурного кода – сравнительно небольшой временной отрезок, и это можно отнести к числу ограничений представленного исследования. Однако, учитывая насыщенность этих нескольких десятилетий, «спрессованность» в них исторического времени, а также по крайней мере дважды произошедшую за период с 2000 г. смену установок в ключевой для любой культуры дилемме «коллективизм – индивидуализм», устойчивость части этих норм на фоне изменчивости других позволяет выделить то их «ядро», которое безусловно входит в состав культурного кода россиян, а анализ специфики этих норм в сравнении с отношением к ним представителей других стран вносит в эту картину дополнительные штрихи.

Отношение россиян к некоторым нормам морали и его динамика

Как свидетельствуют эмпирические данные, россиян нельзя считать моральными релятивистами – по подавляющему большинству действий, представленных в таблице 1, они являются сторонниками позиции «Никогда не может быть оправдано». Фактически есть только два вида действий, которые большинство россиян считает допустимыми – это эвтаназия и аборт. И то, и другое отражает низкую ценность чужой жизни в системе ценностей россиян, отсутствие ее сакральности. При этом самоубийство ими осуждается, что отражает значимость собственной жизни.

Интересно, что наиболее широко распространено осуждение действий, относящихся к взаимодействию с другими людьми или реализуемых в индивидуальном порядке (употребление наркотиков, самоубийство, жестокое отношение к животным). Что же касается норм, регулирующих отношения индивида с государством, то с ними картина иная. Даже измена Родине не является в этом отношении исключением, поскольку Родина – это все-таки не государство. Обратим внимание и на то, что обогащение за счет других осуждается подавляющим большинством россиян, а следовательно вопрос о легитимности приобретенных в последние десятилетия состояний продолжает оставаться актуальным в глазах населения страны. Помимо того, что эти состояния, чтобы иметь моральное оправдание, должны быть заработаны честно, они должны быть сформированы за счет собственных усилий, знаний и способностей. Это важно, поскольку такой настрой населения создает благоприятные условия для национализации многих структур негосударственного сектора при полной поддержке

¹ Официальный сайт исследования: www.worldvaluessurvey.org.

общества. Даже среди родившейся уже после начала рыночных реформ 1990-х гг. молодежи норму об абсолютной недопустимости обогащения за счет других разделяют 73% (при 87% среди тех, кто старше 65 лет).

Таблица 1 (Table 1)

Нормативное отношение россиян к ряду действий, которые в российской культуре традиционно осуждаются, 2024 г., %
(отранжировано по доле ответивших «Никогда не может быть оправдано»)¹
Normative attitude of Russians towards actions that are traditionally condemned in Russian culture, 2024, % (sorted by response to “Never can be justified”)

Действия	Никогда не может быть оправдано	Иногда это допустимо	К этому надо относиться снисходительно
Употребление наркотиков	91	6	3
Измена Родине	88	7	4
Однополые браки	87	6	7
Воспитание детей однополыми парами	86	9	5
Гомосексуализм	84	7	9
Оскорбление чувств верующих	83	11	6
Самоубийство	80	13	6
Жестокое обращение с животными	80	16	4
Обогащение за счет других	79	16	4
Публичное проявление неприязни к представителям других национальностей	74	20	6
Проституция	73	15	11
Дача/получение взятки	71	23	5
Пьянство, алкоголизм	68	20	12
Уклонение от уплаты налогов	66	26	7
Хамство, грубость, нецензурная брань	66	27	7
Уклонение от службы в армии	54	33	13
Эвтаназия	50	35	15
Аборт	27	51	22

Источник: опрос ИС ФНИСЦ РАН.

Во вторую группу норм, разделяемых большинством россиян, хотя уже и не подавляющим их большинством, попали все нормы, регулирующие отношения граждан с государством, а также ряд норм, не просто регулирующих межличностные отношения, но и относящихся к уголовно наказуемым деяниям. Такое отношение россиян к этим нормам говорит о слабой моральной легитимации соответствующих запретов.

¹ Зеленым фоном выделены действия, по которым доля считающих, что они никогда не могут быть оправданы, превышает ¼ опрошенных, желтым – где она составляет большинство, но менее ¾, а розовым – где она менее 50%. Затруднившиеся с ответом в таблице не представлены, т. к. по всем позициям кроме эвтаназии их было менее 1%.

Наконец, не воспринимаются большинством россиян как требующие осуждения уже упоминавшиеся эвтаназия и аборт. При этом в отличие от ряда других норм, по которым молодежь занимает менее жесткую позицию, отношение к аборту не зависит от возраста. Что же касается эвтаназии, то молодежь относится к ней более лояльно, чем россияне старше 35 лет (ее осуждают только 45% молодежи при 52% среди остальных россиян).

Насколько устойчивы соответствующие моральные нормы? Рассмотрим сначала те из них, по которым есть данные, чтобы оценить как изменилась распространенность этих норм за последние четверть века (рис. 4).

Рис. 4. Динамика осуждения россиянами отдельных действий, негативно оцениваемых официальной моралью, 2000–2024 гг., %¹
Figure 4. Dynamics of Russians’ condemnation of certain actions that are negatively evaluated by official morality, 2000–2024, %

Источник: я опрос «Россияне о судьбах России в 20-м веке и своих надеждах на новое столетие» РНИСиНП 2000 г. и Мониторинг ИС ФНИСЦ РАН 2024 г.

Первое, что обращает на себя внимание на рисунке 4 – это то, что ано-
мия 1990-х гг. по большинству норм постепенно преодолевается. Ярче всего
это видно на таких нормах, регулирующих отношения индивида с государ-

¹ В группу «Распространенность не изменилась» включены действия, по отношению к которым изменения в ответах «Никогда не может быть оправдано» находились в пределах ста-
тистической погрешности.

ством, как отношение к уплате налогов и уклонение от службы в армии. Это говорит о росте легитимности деятельности российского государства в глазах россиян. Гораздо менее терпимо, чем по итогам «лихих 90-х» стали относиться россияне и к проституции, абортам, самоубийству.

Если же говорить о более коротком временном периоде, а именно десятилетии с 2015 по 2024 гг., то обращает на себя внимание прежде всего устойчивость отношения населения страны в этот период ко многим нормам (рис. 5). Это, казалось бы, заставляет предполагать, что основной «рывок» в преодолении аномии 1990-х гг. пришелся на 2000-е гг. Однако данные свидетельствуют о том, что динамика была более сложной – одни нормы, например регулирующие отношение к проституции, действительно ужесточились еще в 2000-е гг., и в 2015 г. ее осуждали уже 73%, что совпадает с данными 2024 г. Та же тенденция характерна и для отношения к употреблению наркотиков или жестокого обращения с животными. Однако другие, как нормы, осуждающие уклонение от уплаты налогов или от службы в армии, оставались в 2015 г. еще практически на уровне 2000 г., а изменения отношении к ним россиян к 2024 г. объясняются, видимо, событиями последних лет.

Рис. 5. Динамика осуждения россиянами отдельных действий, негативно оцениваемых официальной моралью, 2015–2024 гг., %¹
Figure 5. Dynamics of Russians’ condemnation of certain actions that are negatively evaluated by official morality, 2015–2024, %

Источник: Мониторинг ИС ФНИСЦ РАН 2024 г.

¹ В группу «Распространенность не изменилась» были включены все действия, по отношению к которым изменения в ответах «Никогда не может быть оправдано», находились в пределах статистической погрешности.

Все это говорит о том, что отношение россиян к части норм зависит от внешних обстоятельств и не может рассматриваться как элемент национального культурного кода, в то время как другие могут претендовать на этот статус. Таковы, прежде всего, нормы, которые устойчиво разделяются более чем 70% населения на протяжении по крайней мере последней четверти века, вместившей в себя очень много разных событий. В их число, наряду с такими общечеловеческими нормами как недопустимость употребления наркотиков, входят нормы, отражающие условия для успешного многовекового сосуществования в рамках одной страны представителей разных этносов и конфессий (недопустимость публичного проявления неприязни к представителям других национальностей или оскорбления чувств верующих), говорящие о толерантности в отношении традиционных для нашей страны особенностей ее населения как о базовых элементах национального культурного кода. Относится к ним и категорическое осуждение измены Родине. Несколько неожиданным после почти четырех десятилетий экономических реформ, но бесспорным элементом культурного кода выступает и недопустимость обогащения за счет других, характерная даже для трех четвертей родившейся уже в XXI столетии молодежи.

Насколько уникальны особенности отношения россиян к ряду моральных норм? По данным World Values Survey (VWS)¹ такая уникальность просматривается. В WVS в вопросе о допустимости тех или иных предполагающих оценку с позиций морали действий используется десятибалльная шкала, предусматривающая ответы от «Никогда не допустимо» до «Всегда допустимо». Для сравнения отношения к ряду моральных норм в России и других странах, представленных на рисунке 6, мы выбрали из данных этого международного исследования 6 действий разного характера (набор действий, отношение к которым замеряется в WVS, не полностью совпадает с их набором в Мониторинге ИС РАН). Что же касается стран, то мы сравнивали 8 крупных и достаточно развитых государств, которые имеют очень разную историю, а население которых многонационально и исповедует различные религии. Кроме того, Казахстан имеет во многом общее с Россией историческое прошлое.

Как видно на рис. 6, Россия по особенностям распространения в ней 6 рассматриваемых моральных норм занимает промежуточное положение между странами коллективного Запада (представленным на рисунке синим цветом) и «мирового большинства» (данные по которым даны на нем зеленым цветом). Однако при этом в ней самое толерантное из 8 рассматриваемых стран отношение к уклонению от уплаты налогов. Кроме того, в ней наиболее высокие показатели толерантности к взяточничеству, также наносящего вред государству. Наконец, толерантность отношения россиян к абортam нехарактерна для стран «мирового большинства», к которым она тяготеет в целом чуть сильнее, чем к западным странам.

¹ Официальный сайт исследования: www.worldvaluessurvey.org. См. также [40].

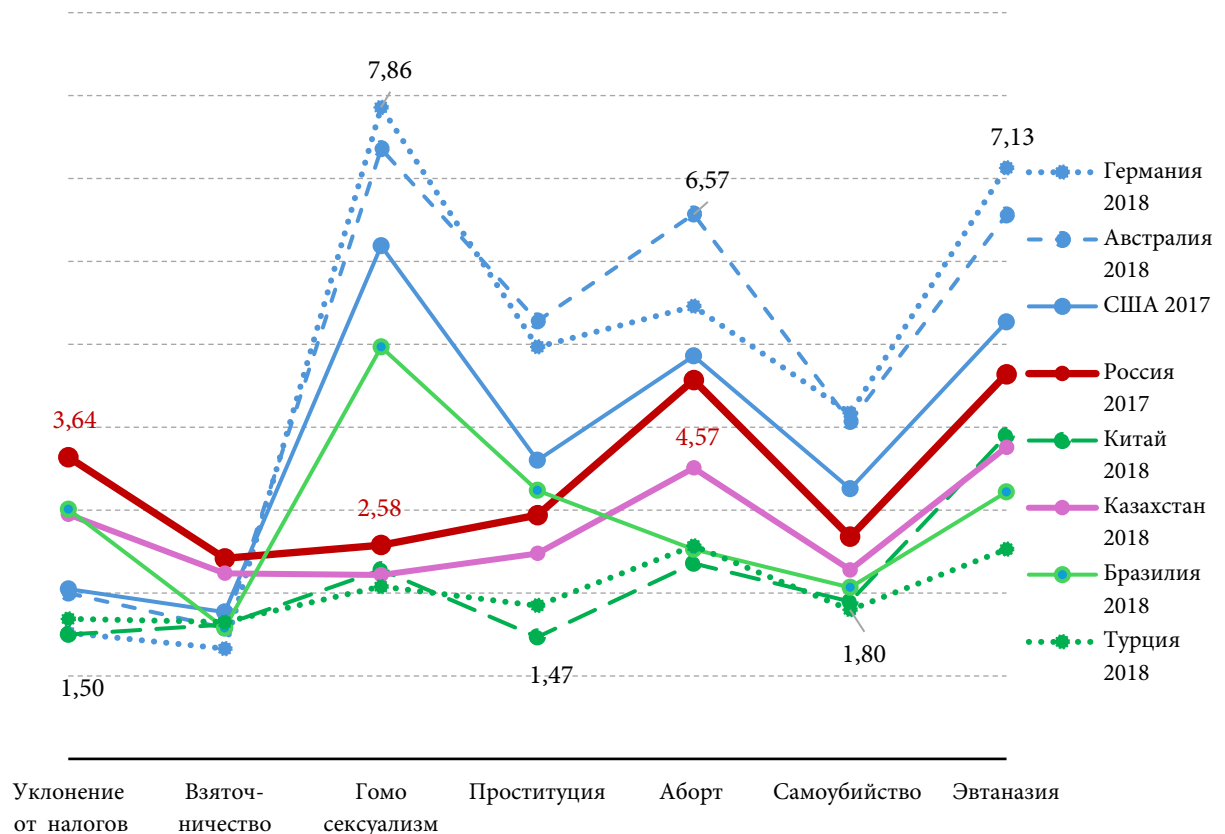

Рис. 6. Средний балл оценок россиянами и гражданами 7 других государств допустимости отдельных действий по десятибалльной шкале, где 0 означает «Никогда не может быть оправдано», а 10 – «Всегда может быть оправдано», отражающий отношение, 7 волна WVS¹

Figure 6. Average score of Russians and citizens of 7 other countries on the permissibility of certain actions on a 10-point scale, where 0 – “Never can be justified” and 10 – “Always can be justified,” reflecting the attitude, 7 wave WVS

Источник: опросы World Values Survey 2017–2018 гг.

Тем не менее, при всей ее специфичности, такая картина не уникальна – ситуация в Казахстане очень близка к российской, а сам Казахстан, как и Россия, занимает в отношении рассматриваемых моральных норм промежуточное положение, хотя у него это выражено менее ярко. Это говорит о роли для восприятия моральных норм не только специфики культуры, связанной с цивилизационными особенностями, но и исторического прошлого, в данном случае – включенности по крайней мере на протяжении последних двух веков в орбиту «Русского мира».

С учетом же дискурса о роли культуры для формирования моральных норм все это означает, что для россиян характерен определенный морально-правовой нигилизм в отношении своих обязанностей перед государством, а также негативное (и, как было показано выше, очень

¹ Данные по каждой из представленных на рисунке 6 стран взяты с официального сайта исследования. Представленные на рисунке вопросы в анкетах WVS идут под № Q 180–181 и 187–188. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV7.jsp> (дата обращения 13.06.2025).

устойчивое) отношение к гомосексуальным отношениям. Кроме того, данные WVS позволяют говорить об их довольно толерантном на фоне стран «мирового большинства» подходе к моральным нормам, регулирующим отношения в сексуальной сфере. Так, добрый секс набрал в России 6,07 балла при 3,68 в Китае, 2,35 в Турции, 5,96 в Бразилии. Весьма толерантны россияне и к разводам, которые они в массе своей считают оправданными (6,09 балла при 3,69 в Китае, 4,40 в Турции и 6,22 в Бразилии). Что же касается сакральности жизни, то в этом отношении россияне однозначно занимают промежуточную позицию между западной и незападной культурами. Таким образом, культурная специфика России очевидна, но состоит она не только в ее непопадании в поле западной культуры или культуры стран «мирового большинства», но и в структурных особенностях распространённости определенных моральных норм. При этом позиция населения страны в отношении к своим обязанностям перед государством подводит к выводу, что культурный код может содержать как позитивные (способствующие развитию страны), так и негативные элементы. В то же время, как видно из данных рисунка 4, этот нигилизм за последние четверть века заметно уменьшился, хотя и остается характерной особенностью системы моральных норм населения страны.

В контексте выделения элементов национального культурного кода среди различных моральных норм важно также, что среди россиян есть и те, кто не разделяет характерные для подавляющего их большинства моральные нормы. Это ставит вопрос о необходимости структурирования представителей массовых слоев по их отношению к нормам морали. Данная задача решалась нами с помощью двухэтапного кластерного анализа, позволившего выделить 4 кластера, наибольший из которых включал 701 респондента, а наименьший – 361. Дальнейший анализ показал, что их представители различаются числом моральных норм, которые разделяет большинство в каждом из них, а также ранговым порядком этих норм. С определенной долей условности мы дали этим кластерам названия в диапазоне от «моралистов-максималистов» до «моральных релятивистов». Условность соответствующих названий связана с тем, что даже среди «моральных релятивистов» большинство все-таки принимало 5 норм из 18, а среди «условных релятивистов» большинство разделяло даже почти 2/3 норм, отношение к которым измерялось в опросе (табл. 2).

Из данных таблицы 2 хорошо видно, какие именно нормы разделяются даже «условными релятивистами», а какие – постепенно размываются и слабеют по мере движения от «моралистов-максималистов» к «моральным релятивистам». Если первыми осуждаются все рассматриваемые действия, то уже среди «сторонников большинства моральных норм» распространённость осуждения основной части этих действий ослабевает, а эвтаназия и особенно аборт уже даже воспринимаются как допустимые.

Таблица 2 (Table 2)

Отношение к некоторым моральным нормам в кластерах россиян, различающихся жесткостью их взглядов в отношении морали, ИС ФНИСЦ РАН, 2024 г.¹
Attitude to certain moral norms in clusters of Russians who differ in the rigidity of their views on morality, Institute of Sociology of FCTAS RAS, 2024

Считают, что никогда не может быть оправдано	Моралисты-максималисты (24%)	Сторонники большинства норм (35%)	Условные релятивисты (23%)	Моральные релятивисты (18%)
Однополые браки	100	99	96	37
Воспитание детей однополыми парами	100	99	94	36
Гомосексуализм	100	94	98	29
Измена Родине	100	94	98	51
Употребление наркотиков	100	99	89	65
Самоубийство	100	90	77	41
Оскорбление чувств верующих	100	94	74	50
Проявление неприязни к другим национальностям	98	82	51	58
Жестокое обращение с животными	98	84	63	70
Обогащение за счет других	99	88	76	40
Проституция	100	82	71	25
Хамство, грубость, нецензурная брань	97	74	51	28
Пьянство, алкоголизм	100	74	47	40
Дача/получение взятки	99	88	46	31
Уклонение от уплаты налогов	100	88	29	28
Уклонение от службы в армии	99	62	25	14
Эвтаназия	99	42	39	14
Аборт	70	11	24	7
Сколько действий считает никогда не допустимыми	18 из 18	15 из 18	11 из 18	5 из 18

Источник: Мониторинг ИС ФНИСЦ РАН 2024 г.

¹ Желтым фоном выделены значения более 50%, но менее 90%. Зеленым фоном – 90% и более. Жирным шрифтом выделены три максимальных значения в каждом кластере.

«Условные релятивисты» в массе своей воспринимают как допустимые дополнительно к ним уклонение от службы в армии и от уплаты налогов, взяточничество, а также пьянство. Первые три из этих 4 позиций относятся к упоминавшимся выше особенностям отношения россиян к своим обязанностям перед государством. Соответственно, «размытость» моральных норм начинается с делегитимизации тех из них, которые относятся к взаимоотношениям индивида и государства. Однако при этом для них (как и для «условных релятивистов») абсолютно недопустимым остается все связанное с гомосексуальными отношениями, а также измена Родине. Это, как и устойчивость данных норм во времени или связь их между собой, позволяет утверждать, что они относятся к ядру норм, входящих в культурный код нации. В отношении гомосексуализма это видно также из международных сравнений. Можно отнести к этому ядру также относящиеся к самосохранительным нормам «общечеловеческого» характера запреты на употребление наркотиков и самоубийство, а также специфическое для России осуждение таких действий как обогащение за счет других и оскорбление чувств верующих. Все они даже среди условных релятивистов однозначно осуждаются более чем $\frac{3}{4}$ соответствующего кластера.

Подчеркнем также, что измену Родине считает недопустимой большинство даже среди «моральных релятивистов», хотя ко всему, связанному с гомосексуальными отношениями, они (и только они) относятся вполне толерантно. На первый взгляд, это говорит о том, что «моральных релятивистов» характеризует принятие так называемых «западных ценностей». Однако на самом деле для этого кластера характерна скорее аномия, чем восприятие права на гомосексуальные отношения как ценности. Во всяком случае, такая гипотеза напрашивается исходя из состава данного кластера – в нем относительно часто можно встретить рабочих и рядовых работников торговли (продавцов, кассиров и т. п.) (42 при 26% среди моралистов-максималистов). В то же время для специалистов на должностях, предполагающих высшее образование, ситуация обратная – их больше среди «моралистов-максималистов» (23 против 14% у «моральных релятивистов»). При этом среди «моральных релятивистов» чаще встречаются жители сельской местности (38% жителей сел и поселков городского типа при 29% среди моралистов-максималистов). Шире представлена в их составе и молодежь до 35 лет (39 при 22% среди «моралистов-максималистов»), а также атеисты и «внеконфессиональные верующие» (20 и 13% соответственно при 9 и 5% в составе «моралистов-максималистов»). Учитывая отношение к религии в современной России, это говорит, на наш взгляд, впрочем, не столько даже об особенностях их религиозных взглядов, сколько о нонконформизме как важной черте их психологического портрета.

Статистическая проверка связей принадлежности к тому или иному кластеру и отношения к различным нормам с помощью коэффициента корреляции Спирмена показала, что сильнее всего значимость различных моральных норм для представителей 4 рассматриваемых кластеров проявляется в их отношении к такому действию как уклонение от уплаты

налогов (коэффициент корреляции Спирмена 0,607). Выше мы уже не раз определяли толерантность к нему россиян как характерную особенность моральной составляющей их культурного кода, хотя на нормативном уровне уклонение от уплаты налогов большинством из них все же не приветствуется. Высокие значения коэффициента корреляции Спирмена были также у отношения к уклонению от службы в армии (0,585) и даче или получению взятки (0,562), то есть у тех моральных норм, которые тоже относятся к нормам, регулирующим взаимодействие граждан с государственными институтами.

С содержательной точки зрения интересным представляется разница у представителей разных кластеров отношения к эвтаназии – только среди «моралистов-максималистов» ее осуждают почти 100%, в то время как в трех остальных кластерах большинство ее допускает. Таким образом, отношение к эвтаназии является с точки зрения жесткости моральных норм очень значимым дифференцирующим фактором, а ее отрицание является единственным качественным отличием кластера «моралистов-максималистов» от трех остальных. Лояльное отношение к ней у большинства в трех кластерах россиян, не относящихся к максималистам в отношении норм морали, говорит о том, что возможно быстрое изменение позиции в отношении ее значительной части населения. Разумеется, речь в данном случае идет не о тех россиянах, для которых ее отрицание обусловлено их отношением к жизни как сакральной ценности, но последние на три четверти входят в число «моралистов-максималистов». Из этого следует, что необходима подготовка к совершенствованию регулирующего эвтаназию законодательства, которая, учитывая сложность данной проблемы, наверняка займет немало времени.

В контексте характерности разных норм для представителей двух пар кластеров, т. е. (1) абсолютных или относительных моралистов и (2) условных или безусловных моральных релятивистов, интересно также, что кластерный анализ, проведенный на данных 2015 г., продемонстрировал во многом схожую картину их численности и характерных для них норм. Тогда основные различия этих пар кластеров тоже относились не столько к нормам, регулирующим межличностные отношения или касающимся самого человека, сколько к действиям, относящимся к обязанностям индивидов перед государством. Это подтверждает сделанный выше вывод о том, что разложение традиционных для россиян моральных норм (как и их восстановление, что видно на примере преодоления морального релятивизма 1990-х годов в последние четверть века) начинается с изменения восприятия действий, регулирующих отношения индивидов с государством. Это значит также, что отношение именно к этим действиям в наибольшей степени зависит от внешней обстановки и политики самого государства. Наконец, поскольку отношение к этим действиям закреплено законодательно, а не только в морали, речь в данном случае может идти и о правовом нигилизме значительной части россиян, а не только об их моральном релятивизме.

В контексте обсуждения в мировой науке специфики моральных норм в культурах разного типа внимания заслуживает также связь отношения к различным осуждаемым официальной моралью действиям с базовыми ценностями и установками представителей различных кластеров. Как показал анализ¹, теснее всего деление на кластеры связано (табл. 3) из 600 с лишним переменных массива 2024 г. с патриотическими ценностями (или их отсутствием), а также с обусловленными неоэтакратическим характером развития нашей страны на протяжении столетий [26; 30] установками, отражающими понимание цивилизационной специфики России. Это говорит о значимости особенностей системы моральных норм для национального культурного кода.

Таблица 3 (Table 3)

Некоторые особенности ценностей и связанных с видением цивилизационной специфики России установок в кластерах россиян, различающихся жесткостью их взглядов в отношении морали, ИС ФНИСЦ РАН, 2024 г.²
(отранжировано по величине разрыва между полярными кластерами)
Some features of values and attitudes related to Russia’s civilizational specificity in the clusters of Russians who differ in the severity of their views on morality, Institute of Sociology of FCTAS RAS, 2024 (sorted by the magnitude of the gap between the polar clusters)

Особенности взглядов	Моралисты- максималисты	Сторонники большинства норм	Условные релятивисты	Моральные релятивисты	Разрыв, п.п.
Ценности и установки					
Считают, что Родина у человека одна, и нехорошо ее покидать	57	48	43	28	29
Считают, что Россия – особая цивилизация, в ней никогда не при- вется западный образ жизни	80	78	78	55	25
Считают, что инди- видуализм, либе- рализм и западная демократия россия- нам не подходят	79	72	69	54	25

¹ Использовалась разновидность корреляционного анализа, основанного на показателях хи-квадрата в программе Chi-squared Automatic Interaction Detector (Chaid).
² Желтым фоном выделены значения, превышающие 50% для тех ценностей и установок, которые разделялись большинством не во всех кластерах.

Продолжение таблицы 3

Особенности взглядов	Моралисты- максималисты	Сторонники большинства норм	Условные релятивисты	Моральные релятивисты	Разрыв, п.п.
Ценности и установки					
Считают, что если СМИ или блогеры нарушают инте- ресы государства, их свободу следует ограничить	77	77	72	54	23
Считают, что люди должны поддержи- вать свою страну, даже если она не права	72	62	56	46	26
Считают, что Россия не должна стремиться к укреп- лению державной мощи, лучше поза- ботиться о благосо- стоянии собствен- ных граждан	26	34	38	47	21
Считают, что пра- вительство должно иметь возможность прямого влияния на правосудие, если этого требуют ин- тересы государства	64	52	53	47	17
Не готовы пожерт- вовать личным благополучием даже ради важных общезначимых целей	49	58	65	61	12

Источник: Мониторинг ИС ФНИСЦ РАН 2024 г., расчеты авторов.

Дополнительную информацию о связи деления на кластеры с разным набором моральных норм и особенностей национального культурного кода дает то, что представители разных кластеров очень сильно различаются по своим политическим ориентациям, а также характерным для них идентичностям и уровню доверия как к политическим институтам (табл. 4), так и к окружающим их людям. Так, даже родственникам среди моральных релятивистов доверяют менее половины (45%) при том, что в остальных кластерах таких большинство, а среди «моралистов-максималистов» – даже 70%. Интересно при этом, что Церкви (РПЦ МП), Президенту и Правительству РФ россияне доверяют чаще, чем родственникам. Это верно (за исключением отношения к Церкви) даже для «моральных релятивистов».

Таблица 4 (Table 4)

Некоторые особенности политических установок и институционального доверия в кластерах россиян, различающихся жесткостью их взглядов в отношении морали, ИС ФНИСЦ РАН, 2024 г.¹ (отранжировано по величине разрыва между полярными кластерами)

Some features of political attitudes and institutional trust in clusters of Russians who differ in the rigidity of their views on morality, Institute of Sociology of FCTAS RAS, 2024 (sorted by the magnitude of the gap between the polar clusters)

Установки	Моралисты-максималисты	Сторонники большинства норм	Условные релятивисты	Моральные релятивисты	Разрыв, п.п.
На выборах Президента страны в марте 2024 г. проголосовали за В.В. Путина	76	67	59	40	36
Доверяют Церкви	75	68	52	44	31
Не относят себя к сторонникам СВО на Украине	10	17	21	40	30
Доверяют Президенту России	88	83	77	59	29
Считают, что путь, которым идет Россия, даст в перспективе положительные результаты	86	82	78	59	27
Считают, что страна нуждается в стабильности, она важнее чем перемены	78	70	68	52	26
Доверяют Правительству России	73	68	60	51	22
Доверяют ЦИК РФ	59	53	42	37	22
Считают, что при всех своих недостатках власть в России заслуживает поддержки	84	85	81	63	21
Доверяют судебной системе	52	40	34	37	15

Источник: Мониторинг ИС ФНИСЦ РАН 2024 г., расчеты авторов.

¹ Желтым фоном выделены значения более 50% для тех установок, которые разделялись большинством не во всех кластерах.

Как видим, взаимосвязь отношения к рассматриваемым моральным нормам с идейно-политическими взглядами россиян также просматривается достаточно отчетливо. Таким образом, отношение к моральным нормам – это не автономный блок мировоззрения человека, а тесно связанный с другими его блоками компонент взглядов индивида, связанный с освоением им в процессе социализации определенного культурного кода. Не останавливаясь на этом подробно, отметим все же, что в этот блок входят также идентичности человека¹, специфика его жизненных целей и стремлений², а также восприятие места и роли России в мире, ее оценки как великой державы или ее цивилизационной близости к странам Запада или же Востока. Так, для ориентированных на близость России и Запада характерна большая распространенность толерантного отношения к разным формам прерывания жизни (чаще встречающаяся именно в странах Запада), а для ориентированных на близость России к странам Востока (Китай, Япония, Индия и т. д.) типична широкая распространенность полного отрицания всех форм насильственного прерывания жизни.

Выводы

Проблема культурного кода находится в фокусе внимания многих наук, причем каждая из них подходит к нему по-разному. Активные исследования этого феномена идут и в социологии, где в последние годы они связаны преимущественно с анализом идентичностей и ценностей как ядра любой культуры. Однако, хотя серьезных исследований как идентичностей, так и ценностей было немало, и те, и другие в российской социологии рассматриваются обычно вне проблематики культурного кода нации. Даже участие российских социологов в международных кросс-культурных исследованиях и активизация использования зарубежных методик изучения культурных различий населения разных стран в 2000-х и 2010-х гг. не привели к развороту в сторону проблематики культурного кода – в основном речь шла о «специфике» или «особенностях» системы ценностей россиян на фоне населения других стран. Тем более оставалась на периферии исследовательского интереса морально-нравственная составляющая этого кода, хотя в период расцвета русской философии именно ей при анализе судеб России уделялось повышенное внимание – достаточно вспомнить идеи о роли нравственности в российской культуре и ее специфике таких философов, как В. С. Соловьев, Н. А. Бердяев, И. А. Ильин и др., чьи работы на новом уровне продолжили знаменитый спор западников и славянофи-

¹ Так, «моралисты-максималисты» характеризуются очень широким кругом четко выраженных идентичностей – у 45% их присутствуют 7 и более таких идентичностей, в то время как для «моральных релятивистов» этот показатель составляет лишь 17%.

² Честно прожить свою жизнь, например, стремятся 100% моралистов-максималистов, а 73% из них это даже уже удалось, в то время как среди моральных релятивистов таких меньшинство (48%). Зато последние в массе своей (68%) хотели бы иметь собственный бизнес, в то время как среди «моралистов-максималистов» таких лишь 48%. Существенно различаются они и распространенностью других жизненных целей.

лов (впоследствии евразийцев). В основном в фокусе внимания социологов вплоть до последнего времени находились лишь унаследованные от советской эпохи или обусловленные переходным характером пришедшего ей на смену этапа развития страны особенности мировоззрения россиян (концепции Homo soveticus Ю. А. Левады, «Парадоксального человека» Ж. Т. Тощенко и т. д.).

В 2020-е гг., для мира прежде всего в связи с пережитым в ходе пандемии COVID-19 на фоне массовых смертей нравственным шоком, а для России – также резким обострением конфронтации с Западом и актуализацией необходимости понимания специфики России, исследования этической направленности актуализировались. Стали появляться отдельные работы, где делались попытки на эмпирических данных выявить специфику национального культурного кода в разных областях – от нормативных представлений о сущности взаимоотношений гражданина и государства или оптимальной модели самого этого государства до особенностей системы ценностей россиян, прежде всего молодежи. Однако анализ морально-нравственной составляющей российского культурного кода сосредотачивался при этом в основном на его патриотическом компоненте [5].

Предпринятая в данной статье попытка частично восполнить этот пробел показала, что, во-первых, в составе национального культурного кода, наряду с другими его структурными элементами (символическими и коммуникативными нормами, а также ценностями и регулирующими поведение нормами, которые не относятся к морали (например, нормами права, специфическими традициями и т. д.)¹, действительно присутствует морально-нравственная составляющая. Она тесно связана с пониманием россиянами цивилизационной специфики нашей страны и патриотизмом, а также отражает специфику их ценностей (в широком смысле слова) на фоне стран как коллективного Запада, так и «мирового большинства». Более того – Россия выступает в данном отношении своего рода ядром «Русского мира», демонстрируя соответствующие особенности наиболее ярко.

В числе особенностей моральных норм россиян, которые можно рассматривать как элементы их культурного кода, следует отметить, во-первых, хорошо видный на фоне ситуации в других странах негативизм в отношении гомосексуальных отношений и связанных с ним аспектов образа жизни. Практически одинаковая распространенность этого негативизма в разных поколениях и устойчивость соответствующих взглядов во времени независимо от внешних событий также подтверждают значимость нормы о недопустимости гомосексуальных отношений для населения страны и позволяет говорить о ней как о составляющей культурного кода нации при достаточно большой общей сексуальной свободе, допускаемой системой ее моральных норм. В то же время нужно отметить наличие в российском обществе при-

¹ Напомним, что культурный код анализируется нами в рамках подхода, характерного для культурсоциологии. При этом за рамками нашего рассмотрения при таком подходе остаются знаковые системы, подсознательные образы и смыслы и многие другие элементы культурного кода.

мерно 20% людей, которые относятся не только к гомосексуализму, но даже к однополым бракам или воспитанию в таких семьях детей вполне толерантно. Это отражает наличие в нем на протяжении длительного исторического периода значимого по численности мировоззренческого меньшинства, специфику которого уже неоднократно анализировали отечественные ученые [2; 27; 28].

Второй их характерной особенностью, которую также можно отнести к национальному культурному коду, выступает недопустимость для россиян измены Родине и убеждение в необходимости поддерживать ее, даже если она не права. Эти нормы дополняются нормами, способствующими поддержанию мира в многонациональной и многоконфессиональной стране (недопустимость проявления неприязни к представителям других национальностей и оскорбления чувств верующих).

Третьей их особенностью выступает убежденность в недопустимости обогащения за счет других. Эта моральная норма также широко распространена, устойчива во времени и доминирует во всех поколениях. Однако специфична ли она только для россиян (или представителей «Русского мира» в целом), надо еще проверять – у нас эмпирического материала для такой проверки, к сожалению, не было. Возможно, что она относится к разряду широко распространенных среди россиян общечеловеческих норм, к которым относятся прежде всего запреты на самоуничтожающие практики (употребление наркотиков, самоубийство, алкоголизм). Однако более вероятным представляется все же, что эта норма характерна далеко не для всех культур.

Характерной особенностью россиян выступает также довольно широкая по сравнению с другими странами распространенность среди них морального релятивизма в отношении норм, предполагающих выполнение определенных обязанностей с их стороны перед государством (выплату налогов, службу в армии, отказ от взяток). И хотя этот релятивизм не затрагивает на уровне «должного» большинство населения, т. е. оно не считает соответствующее поведение допустимым, однако можно говорить о достаточно большой толерантности россиян к соответствующим действиям в случае их совершения. Это свидетельствует о том, что культурный код может содержать не только способствующие успешному развитию страны или нейтральные для реализации данной цели компоненты, но и негативные, разрушительные. Важно подчеркнуть, что при следовании государства курсом, который кажется россиянам правильным и соответствующим их представлениям о должном, готовность к принятию норм, отражающих обязанности гражданина перед ним, повышается (что характерно, в частности, для последних лет). Однако даже в таких условиях толерантное отношение к нарушению соответствующих норм продолжает оставаться характерной особенностью системы моральных норм граждан нашей страны на фоне граждан других стран.

Если учесть готовность к принятию большего или меньшего числа моральных норм и их структуру, то можно выделить в массовых слоях россиян четыре кластера. Два из них, составляющие в совокупности устойчиво

доминирующую с показателем в 57–59% часть населения, включают в себя приверженцев подавляющего большинства из 18 рассматривавшихся норм. Два других, совокупная численность которых лишь немногим превышает 40% и также устойчива во времени, включают более или менее последовательных моральных релятивистов. Между собой два последних кластера различаются наличием или отсутствием аномии – во третьем, более многочисленном (23%), об аномии говорить не приходится, поскольку его члены в большинстве своем разделяют почти 2/3 рассматривавшихся норм, а характерные для национального культурного кода нормы (т. е. не только характерные для россиян в целом, но устойчивые во времени и связанные между собой) присутствуют в системе моральных норм большинства из них. Члены же четвертого кластера, составляющего 18% всех россиян, характеризуются не только отрицанием более чем 2/3 рассматривавшихся нами норм, но и непринятием норм, входящих в национальный культурный код. Эти «моральные релятивисты» сильно выделяются на общем фоне спецификой своих взглядов также и по другим вопросам – своему отношению к власти и проводимому ею курсу, к СВО, к идее о цивилизационной специфике России, к Западу, а также своими идентичностями, уровнем доверия к окружающим людям и ряду значимых социальных институтов, пониманием, что им не удастся честно прожить свою жизнь и т. д., т. е. составляют мировоззренческое меньшинство по многим вопросам, активно дебатированным в российском обществе.

Подводя итоги анализа, еще раз подчеркнем – несмотря на всю гетерогенность россиян с точки зрения их отношения к тем или иным моральным нормам, возможно выделить среди этих норм такие, которые можно рассматривать как часть национального культурного кода. При этом одни из них характерны скорее для стран «мирового большинства», другие – для западной цивилизации, а часть нетипична для обоих этих векторов развития человечества и отражает особый вектор развития российского общества. Таким образом, спецификой культурного кода россиян в отношении входящих в него моральных норм выступают как особенности восприятия отдельных норм, так и их общая структура, нехарактерная для цивилизационных ареалов стран условного «Запада» и столь же условных стран «мирового большинства».

Библиографический список

1. Аванесова Г. А., Купцова И. А. Код культурный // Прикладная культурология. Энциклопедия / Сост. и научн. ред. И. М. Быховская. М.: Согласие, 2019. С. 270–273. EDN: WMGERK.
2. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта: в 3 т. М., 1991. Филос. общ-во СССР. 470 с. EDN: QOPRVV.
3. Готово ли российское общество к модернизации? / Под ред. М. К. Горшкова, Р. Кrumma, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2010. 344 с. EDN: OFXFBB.

4. Ерасов Б. С. Цивилизации: универсалии и самобытность. М.: Наука, 2002. 524 с.
5. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Саморегуляция смысложизненных ценностей в культурном пространстве молодежи // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10. № 4. С. 164–186. DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.614; EDN: SBTVHF.
6. Зыкин А. В. Формирование культурного кода этносов Алтая // Культура и цивилизация. 2018. Т. 8. № 6А. С. 79–92. EDN: ZAGMNV.
7. Иванова А. П., Ягодкина М. В. Культурные коды в современной рекламе // Ученые записки НовГУ. 2018. № 8(33). С. 5. DOI: 10.34680/2411-7951.2020.8(33).5; EDN: YUFHOM.
8. Изменяющаяся Россия в зеркале социологии / Под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М.: Летний сад, 2004. 280 с. EDN: QOCSCR.
9. Изотова Н. Н. Культурный код: семиотический аспект // Культура и цивилизация. 2020. Т. 10. № 1. С. 122–127. DOI: 10.34670/AR.2020.47.1.016; EDN: WWKBKX.
10. Касьянова К. О русском национальном характере. М.: ИНМЭ, 1994. 367 с.
11. Кричевский Н. А. Русские глубинные скрепы: культурный код национального характера. 2-е изд. Уч. пос. М.: Дашков и К, 2022. 400 с. EDN: VKDEUV.
12. Латова Н. В. Культурная специфика россиян (этнометрический анализ на основе концепции Г. Хофстеда) // Вестник Института социологии. 2016. Т. 7. № 4. С. 155–179. DOI: 10.19181/vis.2016.19.4.433; EDN: XWETNN.
13. Лапин Н. И. Пути России: социокультурные трансформации. М.: ИФ РАН, 2000. 191 с. EDN: SGUGQD.
14. Лосев Д. В. Культурный код: определение понятия и практическая проблематика феномена: теоретический обзор // НовГУ им. Ярослава Мудрого. 2024. Т. 4. № 2. С. 132–140. DOI: 10.30853/ra20240020; EDN: MTVFPD.
15. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2010. 703 с. EDN: QWYFLB.
16. Магун В. С. Эволюция базовых ценностей российского населения, 2006–2021 годы // Социологические исследования. 2023. № 12. С. 44–58. DOI: 10.31857/S013216250029336-2; EDN: RIAJNU.
17. Меркулова Н. Г. Менталитет – культурный код – язык культуры: к вопросу о корреляции понятий // Регионоведение. 2015. № 2(91). С. 188–196. EDN: UCMEVP.
18. Молодежь и Россия будущего / Отв. ред. М. К. Горшков, М. Е. Фрадков, Н. Е. Тихонова. М.: РИСИ; Весь Мир, 2023. 394 с. EDN: OAGDSK.

19. Никулкина О. Г. Ключевые слова русской языковой культуры // Глобальный научный потенциал. 2025. № 1(166). С. 178–181. EDN: ZEUTKI.
20. Овсянников В. П. Русский социокультурный тип: миф или реальность // Запад-Россия-Восток. 2014. № 8. С. 81–88. EDN: TFXUGV.
21. Российское общество и вызовы времени. Кн. 2 / Отв. ред. М. К. Горшков, В. В. Петухов. М.: Весь Мир, 2015. 432 с. EDN: VNKUTL.
22. Российское общество и вызовы времени. Кн. 8 восьмая / Под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2025. 352 с.
23. Рыбина М. Н. Морально-этический контекст русской социально-экономической мысли // Теория и практика общественного развития. 2024. № 4. С. 144–150. DOI: 10.24158/tipor.2024.4.17; EDN: BFYZTM.
24. Савицкий В. М. Этноспецифика культурных кодов // Этническая культура. 2020. № 3(4). С. 40–44. DOI: 10.31483/r-86172; EDN: SFGHIA.
25. Тихонова Н. Е. Динамика нормативно-ценностной системы российского общества (1995–2010 годы) // Общественные науки и современность. 2011. № 4. С. 5–19. EDN: NXPUCV.
26. Тихонова Н. Е. Социокультурная модернизация в России (опыт эмпирического анализа) // Общественные науки и современность. 2008. № 3. С. 5–20. EDN: IPVFXH.
27. Тихонова Н. Е. Специфика мировоззрения сторонников западного пути развития для России в массовых слоях населения // Мир России: Социология. Этнология. 2023. Т. 32. № 4. С. 6–35. DOI: 10.17323/1811-038X-2023-32-4-6-35; EDN: NQSIBT.
28. Тихонова Н. Е. Идеологическая сегментация массовых слоев населения в условиях обострения конфронтации с Западом (опыт эмпирического анализа) // ПОЛИС. Политические исследования. 2024. № 5. С. 136–153. DOI: 10.17976/jpps/2024.05.09; EDN: ICDAIE.
29. Шевченко В. Н. Онтологические константы России как государства-цивилизации в контексте всемирной истории // Философские науки. 2019. Т. 62. № 1. С. 29–47. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-1-29-47; EDN: TVQKCE.
30. Шкаратан О. И. Становление постсоветского неоэтакратизма // Общественные науки и современность. 2009. № 1. С. 5–22. EDN: JXENXH.
31. Шпынева Е. М., Голубчикова М. Г. Опыт изучения особенностей культурного кода представителей регионов России (на примере Иркутской области) // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 1(104). С. 419–422. DOI: 10.24412/1991-5497-2024-1104-419-422; EDN: YXQDEA.
32. Яковенко И. Г. Познание России: цивилизационный анализ. 3-е изд., доп. М.: Знание, 2017. 642 с. EDN: ZMHOKV.
33. Abbasi A. M., Khan M. A. et al. Ethnobotanical appraisal and cultural values of medicinally important wild edible vegetables of Lesser Himalayas-Pakistan // Journal of Ethnobiology and Ethnomedicine. 2013. Vol. 9. P. 1–13. DOI: 10.1186/1746-4269-9-66.

34. Alexander J. C. *The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology*. Oxford University Press, 2003. 296 с.
35. Chiu C. Y., Gries P. et al. Toward a social psychology of globalization // *Journal of Social Issues*. 2011. Vol. 67. No. 4. P. 663–676. DOI: 10.1111/j.1540-4560.2011.01721.x.
36. Cole W. M. Sovereignty relinquished? Explaining commitment to the international human rights covenants, 1966-1999 // *American Sociological Review*. 2005. Vol. 70. No. 3. P. 472–495. DOI: 10.1177/000312240507000306.
37. Fatehi K., Priestley J. L., Taasobshirazi G. The expanded view of individualism and collectivism: One, two, or four dimensions? // *International Journal of Cross-Cultural Management*. 2020. Vol. 20. No. 1. P. 7–24. DOI: 10.1017/S0003975600007116.
38. Giesen B., Eisenstadt S. N. The construction of collective identity // *European Journal of Sociology*. 1995. Vol. 36. P. 72–102. DOI: 10.1017/S0003975600007006.
39. Guthman J. Neoliberalism and the making of food politics in California // *Geoforum*. 2008. Vol. 39. No. 3. P. 1171–1183. DOI: 10.1016/j.geoforum.2006.09.002.
40. Haerpfer C., Inglehart R. et al. (eds) *World Values Survey: Round Seven – Country-Pooled Datafile Version 6.0*. Madrid, Spain; Vienna, Austria: JD Systems Institute & WVSA Secretariat, 2022. DOI: 10.14281/18241.24.
41. Haidt J. *The righteous mind: Why good people are divided by politics and religion*. N. Y.: Vintage Books, 2012. 419 p.
42. Hofstede G., Minkov M., Hofstede G. J. *Cultures and organizations: software of the mind: intercultural cooperation and its importance for survival*. Mc Graw-Hill, 2010. 561 p.
43. Inglehart R., Baker W. E. Modernization, cultural change, and the persistence of traditional values // *American Sociological Review*. 2000. Vol. 65. No. 1. P. 19–51. DOI: 10.2307/2657288.
44. Jackson J. C., Medvedev D. Worldwide divergence of values // *Nature Communications*. 2024. Vol. 15. No. 1. P. 2650. DOI: 10.1038/s41467-024-46581-5.
45. Lebedeva N., Fons V. D., Galyapina V. N. Multiple Social Identities in the Post-Soviet Context // *Non-Western Identity. Research and Perspectives* / Ed. by B. Adams, F. van de Vijver. Switzerland: Springer, 2021. P. 131–150. DOI: 10.1007/978-3-030-77242-0_8.
46. Renn O., Burns W. J. et al. The social amplification of risk: Theoretical foundations and empirical applications // *Journal of Social Issues*. 1992. Vol. 48. No. 4. P. 137–160. DOI: 10.1111/j.1540-4560.1992.tb01949.x.
47. Shilling C. Culture, the ‘sick role’ and the consumption of health // *The British Journal of Sociology*. 2002. Vol. 53. No. 4. P. 621–638. DOI: 10.1080/0007131022000021515.

48. Schwartz S. A theory of cultural value orientations: Explication and applications // *Comparative Sociology*. 2006. Vol. 5. No. 2-3. P. 137–182. DOI: 10.1163/156913306778667357.

49. Taylor J. R., Lovell S. T. Urban home gardens in the Global North: A mixed methods study of ethnic and migrant home gardens in Chicago, IL // *Renewable Agriculture and Food Systems*. 2015. Vol. 30. No. 1. P. 22–32. DOI: 10.1017/S1742170514000180.

Получено редакцией: 25.06.25

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Тихонова Наталья Евгеньевна, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник; профессор-исследователь

Каравай Анастасия Вадимовна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник

DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.6

National Cultural Code: Moral and Ethical Aspects¹

Natalia E. Tikhonova

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia; HSE University, Moscow, Russia

netichon@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-5826-4418

Anastasia V. Karavay

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

karavayav@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-3122-4819

For citation: Tikhonova N. E., Karavay A. V. National Cultural Code: Moral and Ethical Aspects. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 3. P. 87–119. DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.6; EDN: YPEACQ.

Abstract. This article attempts to determine whether certain moral norms are part of the Russian cultural code, as well as the specific features of these norms and the extent to which Russians agree on them. To answer these research questions, large-scale AI language models (ChatGPT, Gemini, etc.) were used to generate a picture of the diversity of approaches to studying the cultural code of nations in global scholarship and conduct a global bibliometric analysis, the results of which are also presented in the article. Based on these results, an empirical analysis of survey data from 2000, 2015, and 2024 from the Institute of Sociology of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, as well as data from the 7th wave of the World Values Survey (WVS), was conducted. It demonstrated that Russians are characterised by a specific system of moral norms that differ both from those typical of nominal West and those characteristic of the “global majority”, suggesting that a number of these norms can be considered a separate element of the national cultural code. According to the study, these include: a persistently negative attitude toward homosexual relations and related lifestyle aspects (same-sex marriage, etc.) while allowing for a relatively high degree of freedom in heterosexual relations; a categorical rejection of treason, which is complemented by the prevalence of norms that ensure peace in a multiethnic and multi-religious country; and a denial of the permissibility of enrichment at the expense of others. A widespread as compared to other countries moral relativism regarding the fulfillment of one’s obligations to the state (paying taxes, etc.) was also revealed, although at the normative level, the majority of Russians still recognise the inadmissibility of evading these obligations. Dynamic analysis demonstrated the consistent, widespread prevalence of these norms, while cluster analysis demonstrated

¹ **Acknowledgements.** The article was prepared within the framework of the work under the grant of the Russian Science Foundation No. 25-18-01067 “Value-based and ideological mobilization of Russian society in the context of increased threats and challenges to the country’s sovereignty”.

the heterogeneity of Russians' perceptions of moral norms and confirmed that some of them are stable enough to be included in the nation's cultural code. It can also be considered proven that the category of cultural code itself can be applied in sociological research.

Keywords: cultural code, cultural identity, mentality, normative value systems, cross-cultural comparisons, moral norms, moral relativism, traditional values, Russian civilization, social norms

References

1. Avanesova G. A., Kuptsova I. A. Cultural code. In *Applied Cultural Studies. Encyclopedia*. Comp. and ed. by I. M. Bykhovskaya. Moscow, Soglasie, 2019: 270–273 (in Russ.). EDN: WMGERK.
2. Akhiezer A. S. *Rossiya: kritika istoricheskogo opy'ta* [Russia: Critique of historical experience: in 3 vols]. Moscow, Filos. obshe-vo SSSR, 1991: 470 (in Russ.). EDN: QOPRVV.
3. Gotovo li rossijskoe obshchestvo k modernizacii? [Is Russian society ready for modernization?]. Ed. by M. K. Gorshkov, R. Krumma, N. E. Tikhonova. Moscow, Ves' Mir, 2010: 344 (in Russ.). EDN: OFXFBB.
4. Erasov B. S. *Civilizacii: universalii i samobytnost* [Civilizations: universals and originality]. Moscow, Nauka, 2002: 524 (in Russ.).
5. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. Self-regulation of life-meaning values in the cultural space of youth. *Vestnik instituta sotziologii*, 2019: 10(4): 164–186 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.614; EDN: SBTVHF.
6. Zykin A. V. Formation of the cultural code of the Altai ethnic groups. *Kultura i tsivilizatsiya*, 2018: 8(6A): 79–92 (in Russ.). EDN: ZAGMNV.
7. Ivanova A. P., Yagodkina M. V. Cultural codes in modern advertising. *Uchenye zapiski NovGU*, 2018: 8(33): 5 (in Russ.). DOI: 10.34680/2411-7951.2020.8(33).5; EDN: YUFHOM.
8. *Izmenyayushhayasya Rossiya v zerkale sociologii* [Changing Russia in the mirror of sociology]. Ed. by M. K. Gorshkov, N. E. Tikhonova. Moscow, Letnii sad, 2004: 280 (in Russ.). EDN: QOCSER.
9. Izotova N. N. Cultural code: semiotic aspect. *Kultura i tsivilizatsiya*, 2020: 10(1): 122–127 (in Russ.). DOI: 10.34670/AR.2020.47.1.016; EDN: WWKBKX.
10. Kasyanova K. O russkom nacional'nom haraktere [On the Russian national character]. Moscow, INME, 1994: 367 (in Russ.).
11. Krichevskii N. A. Russian deep bonds: the cultural code of national character. 2nd ed. Moscow, Dashkov i K, 2022 (in Russ.). EDN: VKDEUV.
12. Latova N. V. Cultural specificity of Russians (ethnometric analysis based on G. Hofstede's concept). *Vestnik instituta sotziologii*, 2016: 7(4): 155–179 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2016.19.4.433; EDN: XWETNN.
13. Lapin N. I. *Puti Rossii: sociokulturnye transformacii* [Paths of Russia: sociocultural transformations]. Moscow, IF RAN, 2000: 191 (in Russ.). EDN: SGUGQD.
14. Losev D. V. Cultural code: definition of the concept and practical problems of the phenomenon: theoretical review. *NovGU im. Yaroslava Mudrogo*, 2024: 4(2): 132–140 (in Russ.). DOI: 10.30853/pa20240020; EDN: MTVFPD.
15. Lotman Yu. M. *The semiosphere*. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb, 2010: 703 (in Russ.). EDN: QWYFLB.
16. Magun V. S. Evolution of basic values of the Russian population, 2006–2021. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2023: 12: 44–58 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250029336-2; EDN: RIAJNU.
17. Merkulova N. G. Mentality – cultural code – language of culture: on the correlation of concepts. *Regionologiya*, 2015: 2(91): 188–196 (in Russ.). EDN: UCMEVP.
18. *Youth and Russia of the future*. Ed. by M. K. Gorshkov, M. E. Fradkov, N. E. Tikhonova. Moscow, RISI; Ves' Mir, 2023: 394 (in Russ.). EDN: OAGDSK.
19. Nikulkina O. G. Key words of Russian language culture. *Global'nyi nauchnyi potentsial*, 2025: 1(166): 178–181 (in Russ.). EDN: ZEUTKI.
20. Ovsyannikov V. P. Russian sociocultural type: myth or reality. *Zapad-Rossiya-Vostok*, 2014: 8: 81–88 (in Russ.). EDN: TFXUGV.

21. Russian society and the challenges of the times. Book 2. Ed. by M. K. Gorshkov, V. V. Petukhov. Moscow, Ves' Mir, 2015: 432 (in Russ.). EDN: VNKUTL.
22. Russian society and the challenges of the times. Book 8. Ed. by M. K. Gorshkov, N. E. Tikhonova. Moscow, Ves' Mir, 2025: 352 (in Russ.).
23. Rybina M. N. Moral and ethical context of Russian socio-economic thought. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2024: 4: 144–150 (in Russ.). DOI: 10.24158/tipor.2024.4.17; EDN: BFYZTM.
24. Savitskii V. M. Ethnospecificity of cultural codes. *Etnicheskaya kultura*, 2020: 3(4): 40–44 (in Russ.). DOI: 10.31483/r-86172; EDN: SFGHIA.
25. Tikhonova N. E. Dinamika normativno-cennostnoj sistemy rossijskogo obshhestva (1995–2010) [Dynamics of the normative-value system of Russian society (1995–2010)]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2011: 4: 5–19 (in Russ.). EDN: NXPUCV.
26. Tikhonova N. E. Sociocultural modernization in Russia (experience of empirical analysis). *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2008: 3: 5–20 (in Russ.). EDN: IPVFXH.
27. Tikhonova N. E. Specifics of the worldview of supporters of the western path of development for Russia in mass strata. *Universe of Russia. Sociologiya. Etnologiya*, 2023: 32(4): 6–35 (in Russ.). DOI: 10.17323/1811-038X-2023-32-4-6-35; EDN: NQSIBT.
28. Tikhonova N. E. Ideological segmentation of the mass strata of the population in the context of escalating confrontation with the West (an empirical analysis). *POLIS. Politicheskie issledovaniya*, 2024: 5: 136–153 (in Russ.). DOI: 10.17976/jpps/2024.05.09; EDN: ICDAIE.
29. Shevchenko V. N. Ontological constants of Russia as a civilization-state in the context of world history. *Filosofskie nauki*, 2019: 62(1): 29–47 (in Russ.). DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-1-29-47; EDN: TVQKCE.
30. Shkaratan O. I. Formation of post-Soviet neoetacracy. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2009: 1: 5–22 (in Russ.). EDN: JXENXH.
31. Shpyneva E. M., Golubchikova M. G. Experience in studying the features of the cultural code of representatives of Russian regions (on the example of the Irkutsk region). *Mir nauki, kulture, obrazovaniya*, 2024: 1(104): 419–422 (in Russ.). DOI: 10.24412/1991-5497-2024-1104-419-422; EDN: YXQDEA.
32. Yakovenko I. G. Cognition of Russia: a civilizational analysis. 3rd ed., revised. Moscow, Znanie, 2017: 642 (in Russ.). EDN: ZMHOKV.
33. Abbasi A. M., Khan M. A. et al. Ethnobotanical appraisal and cultural values of medicinally important wild edible vegetables of Lesser Himalayas-Pakistan. *Journal of Ethnobiology and Ethnomedicine*, 2013: 9: 1–13. DOI: 10.1186/1746-4269-9-66.
34. Alexander J. C. The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology. Oxford University Press, 2003: 296.
35. Chiu C. Y., Gries P. et al. Toward a social psychology of globalization. *Journal of Social Issues*, 2011: 67(4): 663–676. DOI: 10.1111/j.1540-4560.2011.01721.x.
36. Cole W. M. Sovereignty relinquished? Explaining commitment to the international human rights covenants, 1966–1999. *American Sociological Review*, 2005: 70(3): 472–495. DOI: 10.1177/000312240507000306.
37. Fatehi K., Priestley J. L., Taasoobshirazi G. The expanded view of individualism and collectivism: One, two, or four dimensions? *International Journal of Cross-Cultural Management*, 2020: 20(1): 7–24. DOI: 10.1017/S0003975600007116.
38. Giesen B., Eisenstadt S. N. The construction of collective identity. *European Journal of Sociology*, 1995: 36: 72–102. DOI: 10.1017/S0003975600007006.
39. Guthman J. Neoliberalism and the making of food politics in California. *Geoforum*, 2008: 39(3): 1171–1183. DOI: 10.1016/j.geoforum.2006.09.002.
40. Haerpfer C., Inglehart R. et al. (eds) World Values Survey: Round Seven – Country-Pooled Datafile Version 6.0. Madrid, Spain; Vienna, Austria: JD Systems Institute & WWSA Secretariat, 2022. DOI: 10.14281/18241.24.
41. Haidt J. The righteous mind: Why good people are divided by politics and religion. New York: Vintage Books, 2012: 419.
42. Hofstede G., Minkov M., Hofstede G. J. Cultures and organizations: software of the mind: intercultural cooperation and its importance for survival. Mc Graw-Hill, 2010: 561.

43. Inglehart R., Baker W. E. Modernization, cultural change, and the persistence of traditional values. *American Sociological Review*, 2000: 65(1): 19–51. DOI: 10.2307/2657288.
44. Jackson J. C., Medvedev D. Worldwide divergence of values. *Nature Communications*, 2024: 15(1): 2650. DOI: 10.1038/s41467-024-46581-5.
45. Lebedeva N., van de Vijver F., Galyapina V. N. Multiple social identities in the post-Soviet context. In Adams B., van de Vijver F. (eds) *Non-Western Identity: Research and Perspectives*. Switzerland: Springer, 2021: 131–150. DOI: 10.1007/978-3-030-77242-0_8.
46. Renn O., Burns W. J. et al. The social amplification of risk: Theoretical foundations and empirical applications. *Journal of Social Issues*, 1992: 48(4): 137–160. DOI: 10.1111/j.1540-4560.1992.tb01949.x.
47. Shilling C. Culture, the ‘sick role’ and the consumption of health. *British Journal of Sociology*, 2002: 53(4): 621–638. DOI: 10.1080/0007131022000021515.
48. Schwartz S. A theory of cultural value orientations: Explication and applications. *Comparative Sociology*, 2006: 5(2–3): 137–182. DOI: 10.1163/156913306778667357.
49. Taylor J. R., Lovell S. T. Urban home gardens in the Global North: A mixed methods study of ethnic and migrant home gardens in Chicago, IL. *Renewable Agriculture and Food Systems*, 2015: 30(1): 22–32. DOI: 10.1017/S1742170514000180.

The article was submitted on: June 25, 2025

INFORMATON ABOUT THE AUTHORS

Natalia E. Tikhonova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Main researcher; Professor-researcher

Anastasia V. Karavay, Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher